

Р. В. Лютая

НЕСКУЧНЫЙ КОЛЬЦОВСКИЙ САД (А. В. Кольцов в творчестве воронежских композиторов)

Стиль и форма поэтического высказывания Алексея Кольцова — феномен удивительно органичного воплощения фольклорно-песенного начала в профессиональной поэзии. Именно за эту особенность творчество поэта высоко ценили А. Пушкин и В. Одоевский, В. Жуковский и П. Вяземский, многие иные выдающиеся литераторы разных поколений. Хрестоматийным стало определение кольцовского поэтического мира В. Белинским: «... изумительное богатство самых роскошных, самых оригинальных образов в высшей степени русской поэзии».

И предшественники, и современники, и последователи Алексея Кольцова писали в подобном ключе отдельные сочинения, получавшие порою и всенародную известность как «русские песни». Даже если наметить лишь некоторые вершины этого совершенно особенного вида стихотворчества, откроется впечатительная картина литературных достижений, свершившихся будто в предельной простоте народного слова, безо всяких профессиональных ухищрений. Между тем среди создателей «русских песен» — сподвижник Н. Карамзина в формировании русского сентиментализма поэт Иван Дмитриев («Стонет сизый голубочек...»); профессор Московского университета, поэт и критик Алексей Мерзляков («Среди долины ровныя...»); видные литераторы пушкинского круга Антон Дельвиг («Соловей мой, соловей...», «Ах ты, ночь ли...») и Петр Вяземский («Тройка мчится, тройка скачет...»); актер и поэт Николай Цыганов («Не шей ты мне, матушка, красный сарафан...»); драматург Александр Шаховской («Вниз по Волге-реке...»), «песни» последнего особенно любил Кольцов. Не говоря уж о русских стихотворцах непрекаемой величины — Жуковском, Пушкине, Лермонтове, Некрасове, глубоко впитавших и творчески претворивших дух национального фольклора, поэтику русской крестьянской песни и, как ее особой, более поздней разновидности, городского романса... Однако именно Алексей Кольцов сделал русскую пес-

ню важнейшим, определяющим принципом своей поэтической музы. Или, точнее, неким совершенным, гармоничным образом он проявил это народно-песенное качество своего таланта, закрепив ясным и точным словом поэта широчайший диапазон лирических состояний героев своих творений. В единственном прижизненном издании стихотворений Кольцова в 1835 г. из восемнадцати произведений девять, то есть половина, были названы автором «песнями»...

Неподдельность народного колорита, искренность поэтического высказывания, органичность интонации и яркая фольклорная основа образной системы способствовали необычайному успеху «песен Кольцова» у композиторов во все времена. В дореволюционной России сочинения на его стихи созданы виднейшими представителями отечественной композиторской школы: Варламовым, Гурилевым, Глинкой, Балакиревым, Даргомыжским, Римским-Корсаковым, Мусоргским, Глазуновым, Рахманиновым...

О степени востребованности творчества самобытного поэта на всех социальных этажах — и образованным обществом XIX века, и простым народом, — о популярности его среди музыкантов-исполнителей свидетельствует любопытное и ныне редкое издание, осуществленное к пятидесятилетию со дня кончины поэта. В нем фиксируются сочинения нескольких десятков композиторов — песни и романсы, написанные на кольцовские стихи: *Полное собрание сочинений Алексея Васильевича Кольцова. Ко дню пятидесятилетия кончины. Издание А. Каспари. Санкт-Петербург, 1892.* Среди авторов музыки не только наши соотечественники, чьи предки издревле проживали в России, но и представители фамилий, родовые истоки которых рассеяны едва ли не по всей Европе. По мнению воронежского поэта и коллекционера Михаила Болгова, Европа уже к концу XIX столетия была очарована уникальным народно-песенным гением Кольцова. Фантазируя на темы

его «русских песен» и вплетая в мелодическую основу вновь создаваемого вокального сочинения фольклорное начало *собственного народа*, композитор-европеец выражал в нем уже *свой национальный дух*.

А в целом число музыкальных опусов, созданных на тексты нашего глубокого и тонкого поэта начиная с первой трети XIX столетия было настолько велико, что образовало так называемую «кольцовскую полосу» в развитии русской песни и романса; по свидетельству специалистов оно близко к тысяче, а число авторов перевалило за три сотни.

Неудивительно, что творчество Алексея Кольцова было прежде и является сегодня источником вдохновения и для его земляков, создающих музыку, — самодеятельных композиторов и профессионалов. На последних и сосредоточим внимание.

Из десятков произведений членов Воронежского регионального отделения Союза композиторов России, связанных с кользовским поэтическим наследием, значительную часть составляют отдельные хоры для разных составов или сочинения для вокала с инstrumentальным сопровождением. Достаточно типично также объединение нескольких вешей в хоровой (вокальный) цикл или сюиту. Нередко подобные циклы называются разными композиторами, вслед за жанровым определением поэта, «Песни Кольцова»: в Воронеже опусы с таким наименованием в последние два десятилетия написаны Владимиром Беляевым, Львом Чернышовым и Александром Мозалевским. Популярно также название цикла «Кольцо» (Михаил Цайгер и Юрий Романов), и здесь одноименное кользовское стихотворение не только используется как одна из частей цикла, но и служит легко читаемым «факсимиле» поэта: мысль «Кользовым окользованных» созворцев нового музыкально-поэтического художественного целого движется по простейшей семантической аналогии. Так подчеркнуто-традиционная поэтика Кольцова в определенной мере подталкивает некоторых композиторов и к лапидарности названия, и к известному консерватизму в музыкальном решении, и к применению в композиции достаточно простых форм, хотя это и не является правилом, о чем свидетельствуют камерно-вокальные сочинения на кользовские стихи, созданные великими русскими композиторами.

Своеобразный ракурс освоения творчества поэта представлен, к примеру, членом Воронежской композиторской организации Александром Украинским. Несколько лет назад им созданы «Задумчивые песни» для соп-

рано и фортепиано. Это изящное и тонко пропущенное сочинение основано на двух песенных темах, взятых автором из фольклорного сборника Петра Макиенко «Пятьдесят русских народных песен Россосанского района Воронежской области» и переосмыслившихся, пересказанных современным музыкальным языком. Первая — «Цвели, цвели да в поле цветочки...»; вторая — «Можно, можно в поле разгуляться...». В произведении нет ни прямой отсылки к текстам великого земляка, ни знаковых стихотворных цитат, однако тематически, сюжетно фольклорные заимствования близки «песням» Алексея Кольцова и именно глубинные связи кользовского творчества с народной культурой сделали органичным авторское посвящение «Задумчивых песен» поэту. В 2005 г. за этот опус Александр Украинский признан лауреатом Всероссийского композиторского конкурса на лучшее сочинение, использующее элементы южнорусского фольклора. Само же произведение было исполнено в финальном филармоническом концерте лауреатов.

Однако большинство музыкальных произведений, написанных земляками поэта на его стихи, повторим, либо выдержано в достаточно традиционной академической манере, либо соответствуют узнаваемой стилистике народного хора или городского бытового романса. Именно в таком незатейливом ключе — вышедший из-под пера Владимира Наумова в 2009 г. шутливый романс для женского голоса с фортепиано «Голубые глаза» («Что он ходит за мной...»; название у Кольцова «Песня»). Этим же композитором, камерно-вокальные сочинения которого, как правило, пользуются популярностью у публики, на стихи Алексея Кольцова созданы романсы для баритона с фортепиано: «Люблю тебя, мой милый друг...» (название у Кольцова «Я был у ней...»), «Богиня нежных душ» («На что ты, сердце нежное, любовию горишь...»; название у Кольцова «Песня»).

Иногда, впрочем, кользовским «песням» отводится особая роль в контексте целого. Скажем, старейший воронежский композитор и педагог Лев Чернышов при работе над оперой-жизнеописанием «Иван Никитин» (1989) включил в обширное полотно партитуры два самостоятельных сольных номера на тексты Алексея Кольцова (один для сопрано и один теноровый). Лирическое ариозо главной героини «Душно девице, грустно на поле...» звучит в третьей картине II действия, когда Наташа Матвеева ждет в поле своего возлюбленного Ивана Никитина. Здесь частично ис-

пользован текст кольцовского стихотворения «Молодая жница» («Высоко стоит солнце на небе...»). По убеждению композитора, никакие иные стихи не могли бы точнее и глубже передать душевное состояние героини в момент напряженного ожидания, нежели эти простые и трогательные кольцовские строки, повествующие о судьбоносной встрече молодых влюбленных. А вот разбойная песня «Удалец» («Мне ли, молодцу разудалому...») длятенора вводится Чернышовым в первую картину I действия как небольшая, но емкая самохарактеристика вольного крестьянина Кузьмы. Несмотря на то, что полностью опера «Иван Никитин» еще не была поставлена на театральной сцене, оба ее «кольцовских» номера неоднократно звучали в программах воронежских камерных и филармонических концертов.

Тенор — тембр, оченьозвучный внутренней интонации стихов Алексея Кольцова и, безусловно, ассоциируемый с образом влюбленного лирического героя. Ведомый этой особенностью высокого мужского голоса Лев Чернышов взял за основу стихи поэта для еще несколькихтеноровых романсов в сопровождении фортепиано: «Терем» («Там, где терем тот стоит...»), «Дума сокола» («Долго ль буду я сиднем дома жить...») и «Сerenада» («Увижу ль, увижу ль красавицу я...»); название у Кольцова «Исступление»). А в 1995 г. им был написан восьмичастный хоровой концерт «Песни Кольцова» для смешанного хора, тенора и фортепиано. В чередовании сольных и хоровых фрагментов, сопоставлении различной динамики претворяя кольцовские слова и образы в музыку, композитор повествует в хоровом концерте о полноте живого чувства, о молодой радости и первой грусти любви, которые слиты с картинами природы и русского быта. Номера располагаются следующим образом:

№ 1 «Песнь русалки» («Давайте, подруги, веселой толпой...»);

№ 2 «Женитьба Павла» («Павел девушку любил...»);

№ 3 «Веселый час» («Дайте бокалы! Дайте вина!...»);

№ 4 «Осень» («Настала осень, непогоды...»);

№ 5 «Чья это могила» (название у Кольцова «Могила», подзаголовок «Дума»);

№ 6 «Увижу ль я девушку...» (название у Кольцова «Песня»);

№ 7 «По-над Доном сад цветет»;

№ 8 «Если встречусь с тобой...» (название у Кольцова «Песня»).

В целом чернышовские «Песни Кольцова» оставляют впечатление характерного для фольклорного мироощущения оптимизма, воссоздание которого и понималось композитором как одна из внутренних художественных задач при написании хорового концерта на стихи народного поэта.

Несколько иная стилистика отличает два отдельных «кольцовских» лирико-драматических хора для смешанного состава воронежского композитора и дирижера Татьяны Шипулиной: «Пред образом Спасителя» и «Соловей» («Пленившись розой, соловей...»); стихотворение имеет у Кольцова подзаголовок «Подражание Пушкину»). Они написаны в рамках традиции отечественного музширования конца XIX — начала XX века, и лежащая в их основе вольная стилизация бытового городского мелоса той эпохи придает обоим сочинениям некий налет «ретро-звучания». Она же служит основой демократичности при восприятии хоров современным слушателем.

«Четыре лирических распева для меццо-сопрано, тенора и кларнета «Кольцо»» (1989) — так назвал свое сочинение на стихи Алексея Кольцова концертирующий пианист и воронежский композитор Михаил Цайгер, проживающий с начала 1990-х в США. Свой цикл он построил по принципу дополняющего контраста, музкально-тематического и тембрового:

№ 1 «На что мне, Боже сильный, дал смысл и житие» («Плач», тенор);

№ 2 «Ах ты, горе, горе горькое...» («Горе», меццо-сопрано);

№ 3 «С радости веселья кудри выются...» («Первая песня Лихача Кудрявича», тенор);

№ 4 «Я затеплю свечу воска ярова...» («Кольцо», меццо-сопрано; подзаголовок у Кольцова «Песня»).

Перекликаясь, линии развития мужской и женской партии в цайгеровском «Кольце» не образуют лирического диалога; это, скорее, напряженный, полный драматизма разговор страдающих собеседников, где от части к части лишь возрастает эмоциональный на-кал. Самый светлый момент цикла — «Первая песня Лихача Кудрявича», в ней тенор от отчаянного вопрошания «Плача» переходит к бесшабашной и, пожалуй, даже показной удали, звучавшей в контексте целого почти на грани срыва. А вот горечь меццо-сопранового высказывания не развеивается и в finale, полном драматизма. Неким объединяющим началом для «Четырех распевов...» служит партия кларнета, которая, по сути, является в произведении не столько аккомпанементом,

сколько третьим «голосом» и отличается особой внутренней экспрессией; она и придает образную завершенность всем частям этого сумрачного по эмоциональному колориту произведения.

В череде сочинений, созданных на стихи Кольцова в последние два десятилетия, особого упоминания заслуживает небольшой светлый хор «В небе зоринька...» курянина Михаила Артемова — члена Воронежской композиторской организации. Чистота интонации, особая прозрачность звучания при бережном отношении к тексту характерны для этой очень «репертуарной» и стилистически точной артемовской хоровой миниатюры, предназначеннной для детских музыкальных коллективов. В 1997 г. она с успехом прозвучала на сцене Воронежского оперного театра в рамках межзонального фестиваля «Разноцветный мир».

Не менее яркой и сценичной миниатюрой, но уже для народного хора является и «Старая песня» («Из лесов дремучих, северных...») Алексея Вершинина, тоже члена Воронежской композиторской организации, живущего в Липецке. Вершининская «Старая песня» не раз включалась в программы концертов различных народных коллективов Черноземного края.

Одним из любимых поэтов называет Алексея Кольцова композитор, педагог и хормейстер Александр Мозалевский, весьма взыскательно относящийся к выбору стихотворной основы для своих произведений. Последним из написанных на кольцовские стихи сочинений Мозалевского стал объемный цикл «Русские песни» для смешанного хора, баса-баритона и ансамбля народных инструментов (фортепиано). Музыкальная канва опуса построена традиционно, по принципу чередования хоровых и сольных номеров:

№ 1 «Дуют ветры, ветры буйные...» (хор; название у Кольцова «Русская песня»);

№ 2 «Вся жизнь моя — как море...» (солист; название у Кольцова «Ответ на вопрос о моей жизни»);

№ 3 «Перстенёчек золотой...» (хор; название у Кольцова «Перстень»);

№ 4 «Последний поцелуй» («Обойми, поцелуй...», солист);

№ 5 «Расступитесь, леса темные...» (хор; название у Кольцова «Русская песня»);

№ 6 «Ты не пой, соловей...» (солист; название у Кольцова «Песня»);

№ 7 «Горе» (хор).

По замыслу Мозалевского, цикл «Русские песни» — это история жизни глубоко чувст-

вующего русского человека, который не нашел понимания в привычном окружении. Как и в любой судьбе, радостные события здесь перемежаются печальными эпизодами, а образ лирического героя ассоциируется у композитора с Кользовым, духовное одиночество которого, соединившись с тяжкими личными испытаниями, привели поэта к душевной драме, к безысходному отчаянию конца жизни.

Александр Мозалевский также автор женского хора «Что ты спиши, мужичок?...» (2003), посвященного неизменно актуальной «сельскохозяйственной» теме: по сюжету песни сама жизнь, непрерывность ее течения побуждает сельского человека к участию в полевых работах, к заботе о хлебе насыщенном. Еще раньше композитором написан четырехчастный цикл «Песни Кольцова» для мужского хора а капелла (1998), в котором противовесом трем первым жанровым номерам, полным заразительного веселья, служит экспрессивный финал:

№ 1 «Веселый час»;

№ 2 «Женитьба Павла»;

№ 3 «Крестьянская пирушка» («Ворота тесовые растворились...», вариант названия в разных изданиях Кольцова «Сельская пирушка»);

№ 4 «Я затеплю свечу воска ярова...» («Кольцо»).

Юрий Романов, композитор, педагог и руководитель ансамбля «Воронежские девчата», не раз уже воспел в своих романсах и песнях наш край. На стихи Алексея Кольцова он написал мужской дуэт с аккомпанементом «Песня Лихача Кудрявича» (на основе текста «Первой песни Лихача Кудрявича...»), роман «Не скажу никому» (название у Кольцова «Русская песня») и композицию «Кольцо» для народного женского хора а капелла. А романовская «Женитьба Павла» для женского вокального ансамбля с аккомпанементом прозвучала в кинофильме В. Панина «На заре туманной юности», посвященном жизни Алексея Кольцова.

Несколько особняком стоит балет «Алексей Кольцов» воронежского композитора Владимира Беляева, несколько лет назад переехавшего в Москву. Написанный в 1986 г., он прежде назывался «Не шуми ты, рожь», затем автор изменил название, сделав акцент на биографической канве событий, построив его как повествование о судьбе Алексея Кольцова. В плане организации музыкального материала это произведение развивает традицию советских балетов-аллегорий, таких как «Икар» С. Слонимского, «Летят журавли»

В. Успенского и другие. В дополнение к традиционному симфоническому оркестру Беляев использовал хоры и вокализы как добавочный тембр, объединив для реализации замысла выразительные и иллюстративные возможности инструментальной и вокальной музыки. Существенный жанровый момент — сказовость этого сочинения. Наряду с реальными персонажами, в балете действуют аллегорические фигуры, скажем, «красные» и «черные» косари и тому подобные знаковые фигуры, придающие происходящему надреальный смысл. К 200-летию поэта «Алексей Кольцов» принят к постановке в Воронежском театре оперы и балета.

Перу Владимира Беляева принадлежит сюита для оркестра народных инструментов «Песни Кольцова» (1988) и семичастный вокальный цикл «Не весна тогда жизнью веяла» для сопрано,тенора и фортепиано (1989). Цикл составляют следующие друг за другом лирические высказывания героя и героини. Расположение номеров традиционное, с тембровым чередованием тенор-сопрано, а в finale звучит дуэт-воспоминание, воспевающий силу взаимной любви:

№ 1 Исступление («Увижу ль, увижу ль красавицу я...», тенор);

№ 2 «Что он ходит за мной...» (название у Кольцова «Песня», сопрано);

№ 3 Перстень («Перстенечек золотой...», тенор);

№ 4 Грусть девушки («Отчего, скажи, мой любимый серп...», сопрано);

№ 5 Размолвка («Теперь ясней уж вижу я...», тенор);

№ 6 Кольцо («Я затеплю свечу воска ярова...», сопрано);

№ 7 «Не весна тогда жизнью веяла...» (название у Кольцова «Русская песня», дуэт тенор-сопрано).

Отдельно надо упомянуть и ушедших воронежских композиторов и музыковедов, в активе которых имеются сочинения, объединенные кольцовской темой. Среди них объемная композиция Серафима Миловского «Кантата памяти Кольцова» для двух солистов, хора и симфонического оркестра (1959), содержательная аналитическая статья музыковеда Юрия Левашёва «Поэзия А. В. Кольцова в русском романсе», публикация которой состоялась в журнале «Подъём» (1984, № 9). Издательством «Советский композитор» изданы две песни для женского народного хора Константина Массалитинова: «Погубили меня твои черные глаза» (1960; авторский вариант

ее существует для голоса и баяна) и «Не скажу никому» (1982). Любовью слушателей не первое десятилетие пользуется эмоционально насыщенная «Элегия памяти Кольцова» для гитары и струнного квинтета Юрия Воронцова (1990). Его же перу принадлежат несколько романсов на кольцовские стихи. Кроме того, как музыкальный историк Воронцов написал обзорную статью «Поэзия Кольцова в русской классической и советской музыке» для сборника «Песни и хоры на стихи Кольцова», опубликованного Центрально-Черноземным издательством в 1969 г.

И уже в XXI столетии надо признать: поэтический мир Алексея Кольцова до сих пор отнюдь не исчерпан, его творческая и личностная глубина остается недостаточно освоенной и оцененной нашими современниками, сложные жизненные коллизии поэта ждут осмысления писателями и драматургами, режиссерами и композиторами. Вероятно, время Кольцова, «кольцовская полоса» снова придет, когда трудами его почитателей, и прежде всего земляков поэта, в народном сознании образ Кольцова будет восстановлен в правах и мифологизирован, как это случилось с образами других великих представителей русского литературного Олимпа: Пушкиным, Гоголем, Лермонтовым, Толстым и Есениным. Востребованность корневой и бытовой национальной мифологии, хранимой светлой песенной поэтикой кольцовского стиха, сегодня особенно ощутима. И использование ее обширных возможностей для исследования, создания на основе поэзии Алексея Кольцова новых сочинений путем обращения и к исторически достоверному, и к мифологизируемому облику нашего талантливого землякаозвучно нашему времени.

В год 200-летия Алексея Кольцова будут повсеместно исполняться многие музыкальные творения, написанные на его стихи. Эта дата побуждает вновь и вновь перечитать, переосмысливать сочинения поэта, которые станут импульсом к новым темам, краскам, гармониям и нюансам выразительности. Побуждая композиторов к созданию сочинений, посвященных кольцовскому творчеству, Воронежская композиторская организация в 2009 г. объявила региональный конкурс на создание новых музыкальных сочинений на тексты Алексея Кольцова.

У воронежцев есть возможность превратить «кольцовскую полосу» в стогласно звенящий, цветущий, поющий нескучный «Кольцовский сад».